

Глава 11: Быть немного эгоистом — это нормально

Сюй Цзяньцин была лишь запоздалой мыслью. Сюй Цзяньцин настрадалась в этой семье, а Сюй Мосину пришлось ещё хуже.

Сюй Мосин был гораздо чувствительнее Сюй Цзяньцин, а значит, вред, который он перенёс, оказался в сто, в тысячу раз сильнее её собственного.

Поэтому было понятно, почему он часто смотрел на вещи пессимистично.

Сначала представить худший сценарий, проиграть его в голове заранее — так было не так больно потом.

Именно так Сюй Мосин выживал все эти годы.

Но он не всегда был пессимистом. Люди сложны и многогранны.

В спокойной обстановке Сюй Мосин оставался жизнерадостным и деятельным. Иначе они с Су Личэнем не продержались бы так долго до того, как всё пошло не так.

Из всей семьи Сюй Цзяньцин любила своего старшего брата больше всех и чувствовала себя ближе всех к нему. Чем сильнее любишь, тем строже с человека спрашиваешь.

Сюй Цзяньцин жаждала мирского успеха. В такой семье её стратегией выживания было «дать отпор»

— сбежать и доказать себя через успех и силу.

Подсознательно она верила, что только резкие, жёсткие слова могут «мотивировать» её брата стать лучше и «привести его в чувство».

Она слепо применяла свою безжалостную офисную логику — «двигайся вперёд или умри»

— к Сюй Мосину, принимая унижение за мотивацию и считая его безответственным и ленивым.

До сих пор Сюй Цзяньцин так и не поняла, что настоящая любовь означает уважать то, чего хотел Сюй Мосин.

Её извинение сейчас было лишь попыткой устранить ущерб после эмоциональной бури, а не вакциной от самой бури.

Она была успешной женщиной, измотанной, несущей собственные шрамы, и любила совершенно неправильно.

Сюй Мосин нёс на себе не только её характер, но и неразрешённую боль от всего её воспитания.

Но Сюй Цзяньцин всегда забывала, что Сюй Мосин тоже был жертвой.

А Сюй Мосин всегда помнил, что Сюй Цзяньцин была такой же жертвой, как и он. В этом заключалось их различие.

Кто решил, что только мирской успех считается «состоявшейся жизнью»?

Сюй Мосин не был обязан оправдывать её ожидания, так же как она не была обязана оправдывать его.

Настоящая ответственность не обязательно означала достижение славы и богатства.

Жить тихой жизнью на своих условиях — никого не обременяя, ничего ни у кого не отнимая, проживая свои дни так, как хочется, и ничего никому не будучи должным, — уже было впечатляющим достижением.

Услышав извинения Сюй Цзяньцин, Сюй Мосин лишь покачал головой.

— Всё нормально.

Он был немного ошеломлён, но сначала сказал, что всё в порядке.

Неужели работа так меняет людей? Он не помнил, чтобы его сестра была такой раньше.

Теперь она стала такой пугающей! Она начинала напоминать ему их мать — то же самое контролирующее ощущение.

Сюй Мосин быстро отогнал эту дурную мысль.

— Цинмэй, у нас с А-Ли... до того как я потерял память, у нас всё было хорошо?

Сюй Цзяньцин на мгновение замерла.

Она подняла на него взгляд.

Этот взгляд был быстрым, но очень сложным.

— А ты как думаешь?

Сюй Мосин на секунду задумался.

— Я думаю... у нас, кажется, всё было неплохо. Он заботился обо мне очень внимательно, и в доме полно вещей для двоих. Но...

— Но что?

— Но в моём телефоне нет никаких его следов, — сказал Сюй Мосин.

— Ни ВиЧата, ни фотографий, ни контактов.

Сюй Мосин полагал, что как бы сильно он ни поссорился с Су Личэнем, он не стал бы удалять всё, что с ним связано.

Когда он впервые очнулся после аварии, он думал, что, возможно, сделал это, потому что был одержим эмоциональной чистотой.

Но Су Личэнь был его возлюбленным, самым близким ему человеком.

Он действительно не мог понять, почему пять лет спустя стал ещё более незрелым — удалять контакт человека после ссоры было не похоже на него.

И всё же он не мог быть уверен на сто процентов, в конце концов, кто знает, что готовит будущее и как он изменился?

Пока что Сюй Мосин склонялся к мысли, что пять лет спустя между ними, должно быть, что-то произошло, из-за чего он удалил всю контактную информацию Су Личэня.

Сюй Цзяньцин некоторое время молчала.

Сюй Мосин посмотрел на неё и вдруг почувствовал, что ей есть что сказать, но она сдерживается.

— Ты что-то знаешь?

— спросил он.

Сюй Цзяньцин отвела взгляд, уставившись в окно.

— Я не особо в курсе про вас, голубков.

— Ладно, надеюсь, память скоро вернётся.

Боясь, что он начнёт слишком много думать, она добавила:

— Ты и сам можешь почувствовать, хорошо ли Су Личэнь к тебе относится или нет.

Она понизила голос.

— Раз уж ты живёшь здесь, если считаешь, что всё хорошо, значит, всё в порядке. Если нет — просто позвони мне, и я найду кого-нибудь, кто за тобой присмотрит.

Помни, что бы ни случилось, я всё ещё здесь. Я всегда твоя младшая сестрёнка.

Сюй Цзяньцин никогда не умела говорить ничего приятного; она слишком привыкла быть резкой со своим братом.

Сюй Мосин открыл рот, чтобы что-то сказать, но не знал что.

Из кухни вышел Су Личэнь с блюдами в руках.

— Пора есть.

Сюй Цзяньцин встала и подошла помочь расставить палочки.

Сюй Мосин смотрел, как она уходит, и чувствовал сдавленность в груди.

Он вспомнил тот взгляд, который она бросила на него раньше, — быстрый, но сложный. Как будто она хотела что-то сказать, но не могла.

И слыша последние слова сестры, почему он чувствовал это странное ощущение обиды? Разве он не должен был чувствовать замешательство?

За обеденным столом все трое были погружены в свои мысли.

Сюй Цзяньцин съела несколько кусочков, затем вдруг подняла взгляд на Су Личэня.

— Когда врач сказал, что моему брату нужно начинать реабилитацию?

— Через неделю будет повторный осмотр, а потом составим план.

Сюй Цзяньцин кивнула и опустила голову, продолжая есть.

Сделав ещё несколько глотков, она снова подняла взгляд на Сюй Мосина.

— Ты сам должен быть внимательнее. Не полагайся во всём на других.

Сюй Мосин кивнул:

— Я знаю.

Палочки Сюй Цзяньцин замерли, когда она брала овощи.

— Ставь себя на первое место. Быть немного эгоистом — это нормально.

Сюй Цзяньцин, казалось, поняла, что сказала слишком много. Она опустила голову и ела, больше не произнося ни слова.

Сюй Мосин посмотрел на Су Личэня. Су Личэнь не смотрел на него; он уставился в свою миску с рисом.

После этого ничего особенного не произошло. Все травмы Сюй Мосина, кроме ноги, в основном зажили.

Он мог есть всё, если блюда были с лёгким вкусом. Он чувствовал, что и А-Ли, и его сестра вели себя странно, но сейчас было неподходящее время спрашивать.

Сюй Мосин попытался оживить атмосферу.

— А-Ли, ты очень вкусно готовишь. Когда мы жили вместе, мы готовили по очереди?

— Да, иногда ты уезжал в командировки. Когда нет, кто первым приходил домой, тот и готовил. Но обычно мы чередовались.

— Будущему мне так повезло. Но и сейчас я тоже вполне счастлив.

Обменявшись ещё несколькими фразами, он обратился к сестре.

— Цинмэй, ты уже стала успешной деловой женщиной? Как ты обычно питаешься?

— Заказываю доставку или ем в столовой. Я не планирую учиться готовить.

— Технологии так быстро развиваются. Может, через несколько лет появятся домашние роботы, — добавил Су Личэнь.

— Ну, для вас, голубков, готовка — это про романтику, жизнь и хобби. Я совсем одна, так что мне всё равно, умею я готовить или нет. Мне лень, и у меня нет времени.

И Су Личэнь, и Сюй Цзяньцин понимали, что Сюй Мосин пытается разрядить обстановку, и спокойно ему подыгрывали.

После еды Сюй Цзяньцин встала и сказала, что ей пора уходить.

Сюй Мосин удивился.

— Так скоро?

— У меня дела сегодня вечером.

— Сюй Цзяньцин уже взяла сумку.

— Отдыхай. Звони, если что-то случится.

Она подошла к двери и, переобуваясь, вдруг обернулась и посмотрела назад.

Не на Сюй Мосина, а на Су Личэня.

Этот взгляд был мимолётным, но Сюй Мосин его заметил.

Затем она открыла дверь и ушла.

Дверь закрылась с мягким звуком.

□ Глава подготовлена командой Webnovels

Нашли ошибку или неточность? Напишите в комментариях — подарим вам бесплатную главу □

Спасибо, что читаете нас □

<http://bllate.org/book/18985/1868980>